

Елена Петровская

К теории перевода¹

Может ли быть независимая теория перевода или же перевод необходимым образом выступает дополнением к более «значимым» (центральным) теоретическим вопросам? Не являются ли известные нам теории перевода – В. Беньямина, Ж. Деррида, чтобы ограничиться наиболее часто приводимыми примерами, – сами неким переводом, или адаптацией, более широких теоретических схем? Иными словами, в какой мере перевод оказывается более чем метафорой в области теории?

Похоже, что тема перевода в критической теории возникает каждый раз, когда испытанию подвергаются пределы сообщаемости. Перевод проблематизируется там и тогда, где и когда язык не воспринимается более как прозрачный и где на карту поставлено не что иное, как механизм смещения, или сдвиг (если воспользоваться термином, каким Морис Бланшо определяет перевод), благодаря которому язык предстает творческим преобразованием, встречей, событием. Иначе говоря, перевод – это

то, что позволяет превращать коммуникацию в объект теоретического рассмотрения, вскрывая ее историческую непрозрачность. Им очерчиваются границы коллектива, который сам по себе сотворен или творится, ибо коммуникация отмечена разными слоями (уровнями) в границах самого высказывания. Высказывание – это диалогическая структура, та, что взывает к другому, а этим мгновенно предполагается этический императив: этот призыв к коммуникации предшествует самому высказыванию, он уже на месте, так сказать. Высказывание как нечто связанное с многоуровневой организацией общества, где то, что говорится, переплетено с тем, что остается невысказанным, но не в смысле некоей подлежащей глубины, поскольку невысказанное, умалчиваемое и оттесненное к краям является частью самого высказывания – если мы хотим понимать его в категориях более широких, нежели чисто лингвистические. Если высказывание, иными словами, связано с властью и познанием. Коммуникация как разновидность властной стратегии – вот что перевод пытается исследовать.

Само слово «перевод», однако, упорствует в своем техническом употреблении, основанном на скрытом допущении как раз прозрачности и всеобщей сообщаемости. Даже трудности и двусмысленности перевода интерпретируются так, чтобы подчеркнуть их временный характер: планку, конечно, можно поставить и выше, но все сводится в конечном счете к мастерству – если не этого конкретного переводчика, то того, кто придет за ним следом. Говорить о непереводе с этой точки зрения означает просто указывать на фактические границы познания, которые предстоит преодолеть. (Знание культурного контекста, конкретных языковых практик и т.д.) Таким образом, «перевод» подспудно вписан в некоторую парадигму – можно назвать ее модернистской. Понятно, что присутствующее здесь напряжение – между теорией, осваивающей новые территории под именем перевода, и переводом в его привычном обличье – весьма велико.

Однако вопрос остается открытым: в какой мере перевод *не* является метафорой для теории? Я предложила бы считать, что те-

¹ Выступление на круглом столе по критической теории в рамках конференции «Tasking the translator: on the practice and theory of translation in/for our times» (Корнельский университет, США, 11–12 марта 2005 г.).

орию перевода еще предстоит развить и что в своем расширенном виде она будет иметь дело с сообществом и историческим истолкованием аффекта. Ей придется объяснять способ самого нашего включения в историю – после того, как язык проявил свою невыразимую подкупность. Ей придется иметь дело с тем, что находится не просто на пределе, но и по другую сторону коммуникации, а именно: ей придется осваивать исторический опыт. Этот опыт переводится в самый неустойчивый из всех возможных материалов – в фантазии и мечты преходящих коллективов. Теории перевода предстоит постигнуть эти коллективы, образованные (и преобразованные изнутри) аффектом.

Стало быть, теория перевода как таковая в своей основе исторична. Она не только приходит тогда, когда появляются новые коллективы и субъекты, воистину *коллективные* субъекты, но, похоже, знаменует и грядущий пересмотр теоретических ориентиров – теория должна предложить свое понимание множественного, равно как и общего. Ибо таковы контуры разделяемого опыта в нашем сегодняшнем мире. Это та множественность (если воспользоваться броским словом), которая предшествует институциональному пространству демократии, которая сохраняет обещание демократии, не предавая его. Это тот «народ», или, если слово это вызывает подозрения, то публичное пространство, которое не до конца оформлено, равно как и не подконтрольно – пространство анонимности, раскрывающееся новому модусу бытия-в-совместности. Внутри глобального мира и вне его пределов.

Теория перевода отразит движение смещения – на самых разных уровнях. Она зазвучит с краев, с периферии глобальной империи (если допустить, что таковая существует). Она сама будет смещением, уделяя внимание тем, кто обездолен и унижен. (И в этом она будет критической и материалистической, даже если обездоленность имеет отношение к приостановке или утрате исторической идентичности.) Теория перевода не будет исходить из «счастливого конца» – «переведенные» не вольются в глобальное сообщество, эту новую форму спасения или новый образ причастия. Она определенно не будет служить «цели». Но она позволит в точности *переводить* то, что оставалось без «разума» и «голоса»,

то, для определения чего, пожалуй, еще не найдено слова. Она будет переводить аффективные сообщества – столькие точечные примеры, а то и вспышки, разделяемого исторического опыта.

Теория перевода *не* будет метафорой. Она равным образом будет жизненным стилем или, если угодно, техникой самих себя. Теория перевода облегчит узнавание – со стороны коллективов, *а также* самих коллективов. Она будет выражать сингулярность общего, общего, у которого так много исторических личин. Она объединит разные способы выражения, выделяя те из них, что отмечены наибольшей ясностью. (Я имею в виду в первую очередь искусство, искусство, достигшее своих выразительных границ, продуктивно себя отрицающее, буквально стирающее – и все это ради перевода. Я имею в виду искусство, несущее послание сообщества.)

Теория перевода кажется отсроченной. И все же это то, что постоянно происходит – сейчас, в этот самый момент; здесь, в этой комнате, где я обращаюсь к вам из языка, который не является для меня родным, а вы одновременно воспринимаете и это посредничество, и само сообщение. Но также это и происходящее вне данной комнаты – в практике повседневного, в невидимом осуществлении совместного. Трудность состоит в том, что мы располагаем ограниченными средствами для указания на то, что столь неприметно разделяем. На скорости и рисунок этого разделения. И однако это тот самый аспект реальности, который должен быть тщательнейшим образом продуман.

Несколько слов в заключение: я связываю большие надежды с этим проектом, который, взятый сам по себе, не может быть реализован обособленно. Ибо теория перевода потребует отказа от одной из величайших амбиций – от притязаний на авторство (и равным образом на обладание). Теория перевода не принадлежит никому в отдельности, даже если отдельные люди тратят свои дни и даже целые жизни, развивая ее положения. Теория перевода – это иной взгляд на правила построения теорий вообще: она предполагает беспрецедентное слияние объекта с ее же собственными творцами. Ибо нужно научиться способам выражения общего, обычного – будучи обычными людьми. Нужно научиться перево-

доть то, что не считается достойным перевода, то есть то, чему не была придана никакая ценность вообще. Иными словами, нужно научиться переводить *прежде* любого из возможных переводов (ведь перевод, согласимся, – это высокое занятие). Именно такая теория и озадачивает нас собой сегодня.

||